

ПОБЕДИТЕЛЬ

Корни этой истории уходят корнями так далеко вглубь веков, что не каждый человек сможет представить такие расстояния. Города и селения, где жили ее герои, теперь занесены песками пустынь или же затянуты илом рек и озер, кости героев без следа расточились в черноземах плодородных долин и глинах бесплодных пустошей.

Ахин-шах, повелитель народа Тур, посвятил свою жизнь тому, что нес народам свет истинной веры на копьях непобедимой, как сход лавины, конницы. За все время правления он не проиграл ни одной войны и ни одной битвы.

Это история о самой удивительной из его побед.

Когда войска Тур окружили маленькое государство Онаис, подобно тому, как океанские волны окружают остров, Ахин-шах милостиво предложил народу страны сдаться и принять новых богов.

Эрли-хан, повелитель народа Онаис, никогда не был сильным человеком, но он сумел собрать все свое мужество и рассмеялся в ответ:

- Это земля наших предков и наших богов, и мы не уйдем с нее.
- Хорошо! – белозубо улыбаясь и гарцуя на великоленном вороном жеребце, ответил Ахин-шах. – Тогда вы умрете, не сходя со своей земли, и это будет славная смерть!

К тому времени Ахин-шах покорил не один десяток больших и малых стран и был уверен, что вои-

ны Онаис не продержатся против его армии и трех дней.

Но война продолжалась неделю, потом месяц, потом полгода. Сражение следовало за сражением, битва за битвой. Стычкам и мелким боям давно перестали вести счет. Воины Ахин-шаха неизменно побеждали, но не могли нанести существенного урона врагу, тот ускользал угрем из ладоней, оставляя поле боя устланным телами победителей. Если же случалось захватить в плен воинов Онаис, те наотрез отказывались принимать новых богов и умирали под пытками, плюясь красной слюной в лицо палачам. Каты Ахин-шаха хорошо знали свое дело. Они могли поддерживать жизнь в телах, которые после их работы даже не были похожи на тела людей. Кровь заливала полы пыточных, воздух звенел от криков, но ни один пленник не принял чужую веру.

Ахин-шах смотрел в лица умирающих, ожидая разглядеть в них хотя бы проблеск слабости, трещину отчаяния, тень страха, но тщетно.

- Ты можешь разбить нас молотами в кровавую слякоть, разорвать каждый клочок наших мускулов, смолоть на мельничных жерновах кости в муку, но ты не сможешь сломить нашу волю! – доносился живой шепот из груд мяса и костей, сваленных по углам темниц.

Повелитель народа Тур мрачнел день ото дня. Войско его таяло, воины роптали и теряли веру

в победу. Он перестал разговаривать и целыми днями сидел в своем шатре с плотно сжатыми зубами и побелевшими скулами. Царедворцы и приближенные знали, что это служит признаком даже не гнева, а невероятного бешенства, и с ужасом ждали последствий.

Чтобы поднять дух армии, Ахин-шах казнил каждого десятого своего всадника, через неделю еще каждого десятого, а еще через семь дней он в третий раз проредил свое войско. Оставшиеся воины поняли, что если не сломить сопротивление врага в самое короткое время, их ждет та же бесславная кончина, и черная земля страны Онаис распахнет им свои объятия. И тогда в отчаянном натиске, не считаясь с потерями и выстилая путь телами друзей, они разбили противника.

Десятки тысяч пленных – воинов, детей, стариков, женщин – стояли на коленях перед обнаженными клинками победителей, ожидая смерти.

Эрли-хан со связанными за спиной руками стоял тут же и с равнодушием придорожного камня ждал своей участи. Он смотрел в пыль светло-серыми, как дым сгорающей осенней листвы, глазами и шептал слова молитвы.

Ни один человек из народа Онаис уже не относил себя к живым.

Ахин-шах возвышался над коленопреклоненной толпой побежденных, словно жнец над полем пшеницы, и скулы его были белы, как снег.

Солнце в небе над страной Онаис крутилось, как тележное колесо, ожидая побоища. Земля вздыхала, готовясь принять потоки крови. Воды рек и ручьев потеряли цвет, готовясь окраситься красным. Птицы, страшась воплей убиваемых, спешили покинуть леса и степи страны.

Но случилось невиданное.

– Люди народа Онаис! – громовым голосом сказал Ахин-шах. – Вы умеете сражаться, как ни один народ на земле. Ваши женщины красивы, будто майские рассветы в степи, дети быстры и легки, словно горные ручьи. Я хочу, чтобы мой и ваш народы стали братьями. А в знак правдивости моих слов я возьму в жены девушку из вашего народа, усыновлю вашего мальчика, а Эрли-хана сделаю своим первым другом и советником.

После этого Ахин-шах сошел с коня, ступил ногами в тот же прах и пепел, в котором стояли люди народа Онаис.

– Встань! – указал он на съжившуюся перед ним девушку. – Ты станешь моей женой.

– Встань! – указал он на мальчика. – Ты будешь моим сыном.

Остановился перед Эрли-ханом и помог ему встать. – Вот мой первый друг и советник! – объявил он.

А потом распахнул руки, словно желая обнять всех, и сказал громко, так, что услышали все в округе.

– Встаньте, люди народа Онаис! Отныне вы не побежденные. Отныне вы наши братья.

И десятки тысяч уцелевших несмело, по одному, поднялись с колен.

– Дайте нашим братьям одежду! – приказал Ахин-шах своим слугам. – И постройте им новые дома взамен тех, что мы сожгли.

Так у людей народа Онаис началась новая жизнь в огромной и славной стране Тур. Никто и ни в чем не чинил им препятствий. Многие из них стали воинами и начальниками в войске Ахин-шаха и совершили без счета подвиги при завоевании других стран. Иные же стали писцами, чиновниками и даже правителями земель. Иные – врачами, ремесленниками, торговцами, астрологами...

Новая жена Ахин-шаха подарила ему трех сыновей, один из которых со временем стал полководцем, другой – великим целителем, а третий – знаменитым поэтом и философом.

Приемный сын, взятый Ахин-шахом из народа Онаис, возвысился до сана первосвященника богов страны Тур.

Эрли-хан превратился во второго человека в государстве, и ни один важный вопрос не решался без его участия.

Это был удачный и счастливый союз двух народов.

Ахин-шах охотно принимал на службу людей Онаис и не делал различий меж ними и своими людьми ни в наградах, ни в наказаниях.

Священники народа Тур часто и подолгу беседовали с новыми жителями своей страны. Рассказывали о своей вере, обещали вечное блаженство, показывали красоту и богатство храмов. И люди начинали прислушиваться, задумываться о грядущей жизни, любоваться убранством.

Год за годом, десятилетие за десятилетием люди земли Онаис растворялись среди победителей, перенимали их обычаи, принимали новых богов. Старая вера отступала и приходила в упадок. Волки и лисы селились в ее древних храмах и монастырях. Священники и монахи разбредались по чужим землям и забывали о прежней жизни. Жуки-древоточцы покрывали оспинами лица статуй богов, мыши выгрызали их деревянные внутренности, мухи усеивали черными брызгами светлые лики на фресках. Священные книги истлели под дождями, идущими сквозь прохудившиеся крыши и лишенные стекол окна.

И вот настал день, когда во всей стране Тур остался только один живой алтарь древней веры. И находился он в покоях старого, с трудом могущего даже обуться Эрли-хана.

Ахин-шах вошел к нему и спросил:

– Брат мой, почему ты не хочешь принять наших богов? Посмотри, не осталось ни одного действующего храма и ни одного населенного монастыря твоей веры. Дикие звери живут в них, птицы вьют гнезда под их куполами, палой листвой покрыты полы их, и стены забыли звук человеческого голоса. Наши народы слились воедино, и нет причин нам молиться порознь о счастье наших детей и подданных.

Эрли-хан никогда не был сильным человеком. И он не мог знать, что от лепестка пламени на его алтаре зависит сейчас жизнь целого народа.

Глаза его наполнились слезами умиления, подбородок затрясся. Он обнял Ахин-шаха, сказал «да будет так, брат мой» и собственной рукой погасил единственный светильник в алтаре.

В столице земли Тур по случаю перехода Эрли-хана в новую веру устроили пышное празднество. Со всех сторон съехались люди Онаис, привезли богатые дары: бесчисленные табуны коней, горы драгоценных тканей и холмы золота. Так люди выражали свою радость, что их бывший правитель присоединится к ним в новой вере.

На площади перед главным храмом собралась толпа, равной которой столица не видела еще никогда. Золото и драгоценные камни сияли, соревнуясь блеском с солнцем и небесами. В предвкушении пира всеми владело приятное волнение, люди шутили и улыбались друг другу.

Но едва первосвященник накрыл Эрли-хана священной мантией и объявил его перешедшим в новую веру, стоявший рядом Ахин-шах выхватил меч и вонзил его в дряблое сердце своего побратима. Дождался, пока тот упадет, поставил ногу ему на лицо и сказал:

– Я победил! А теперь, – закричал он голосом, грохочущим, как боевые барабаны, – истребите каждого, происходящего из земли Онаис. Неважно, правитель он области или нищий крестьянин, начальник десяти тысяч или последний золотарь, мудрец или безумец.

После чего несколькими взмахами меча убил своего приемного сына, жену и трех ее сыновей.

И началась бойня.

Солнце мычало в небе от ужаса, словно не могущая разродиться корова, земля захлебнулась, не в силах впитать пролившуюся кровь, певчие птицы

онемели от воплей избиваемых людей, вода стала пурпурной, на листьях деревьев проступили красные прожилки.

Резня продолжались семь дней и ночей по всей огромной и цветущей стране Тур. И не осталось после нее ни одной травинки, не помеченной кровавыми брызгами, ни одного взрослого и ребенка, не видевшего смерть воочию, и ни одной дороги или тропы, по которым не ступали бы ноги убийц.

Ахин-шах покинул наш мир с улыбкой на устах по истечении той самой недели. И лишь тогда его скулы вернули себе прежний цвет.

Предания говорят, что на могильной плите его было написано только одно слово: «Победитель».

Убийство людей Онаис не прошло даром для страны Тур. За десятилетия они стали незаменимыми, и не было в государстве ни одной области, ни одного ремесла и ни одной науки, где не играли бы они видной роли.

Понемногу, год за годом, ветвь за ветвью, словно дерево, зараженное серой сущью, начало сохнуть и ветшать государство Тур. Ровно через сто лет после смерти Эрли-хана оно было сметено ордами голубоглазых кочевников, пришедшими со стороны заката на черных, будто закопченных в огне пожаров, конях.

ТЕАТР «ГЛОБУС», 2084 ГОД

- Гамлет, друг мой...
Режиссер сел на край сцены, обвел глазами труппу, снял очки.
- Не хочу видеть ваши рожи.
Кто-то шаркнул ногой, в другом конце зала слышался вздох, где-то по центру цыкнули зубом.
В иные времена это означало бы шквал воплей, топот, свист, но времена, как известно, меняются.
- Так вот, Гамлет, что произошло в начале первого акта?
- Мм? – слышался ответ.
- Вы разбиты горем, вы в депрессии. И при этом похотываете, как пятиклассница.
- Мм... Да...
- Дальше. У вас потрясение, призрак рассказывает, что отец ваш убит, а мать спит с убийцей его отца. Больше того, она собирается выйти за него замуж и возвести его на трон. А вы хихикаете, как школьница на провинциальной дискотеке.
- Ну... Тут...
- Гамлет, примите чего-нибудь возбуждающего. Хоть кофеина. Иначе я, похоже, не дождусь от вас вменяемой реакции.
- Мм... Да...
- Понимаете, дорогие актеры, действие сразу пошло безнадежно не так. Первый акт. Да, Гамлет, я опять обращаюсь к вам. Вы помните, как в первом акте говорили:

*О, если б этот плотный сгусток мяса
Растаял, сгинул, изошел росой!*

- И ваш живот при этих словах заурчал на весь зал. Все, весь зал слышал это урчание! Вы хотели съесть вашего отчима? Друг мой, мы не в Африке благо-словенного двадцатого века. А у нас в Англии даже в шестнадцатом веке не было принято есть людей. Откуда это переигрывание?
- Ну, там это... Я вообще-то...
 - Давайте, Гамлет, дорогой, приходите в себя. Невозможно слушать ваше бляение.
 - Я не блею.
 - Приходите в себя. Теперь о призраке. Да, о вас...
 - А я что...
 - О, да я вижу, вы бодры, Призрак. Это вы, верно, возмущенно двинули ногой в самом начале нашей встречи?
 - Я вздохнул.
 - Ах да. Как я мог ошибиться. Впрочем, неважно. Вот смотрите, у вас тут монолог, вы говорите:

*Тебе бы душу взрыл, кровь обдал стужей.
Глаза, как звезды, вырвал из орбит.*

- И при этом заигрываете с собственным сыном самым бесстыжим образом. Откуда это?
- Химик напортачил...
 - Уверены? А может, вы просто неверно сориентировались в атмосфере?

- Уверен... Химик напортачил...
- Хорошо. Но, Офелия! Откуда гроулинг при словах «когда я пела, сидя у себя»? Офелия! Да она вообще спит! Разбудите ее кто-нибудь. Впрочем, ответ не важен. Король! Да, вы! Отчего вы произнесли «привет вам, Розенкранц и Гильденстерн» голосом домохозяйки, увидевшей крысу? Король! Черт вас всех возьми! Примите что-нибудь, я не могу без ответной реакции.
- Да мы видим, что ты с утра уже ускорился, – проворчал оживающий Гамлет.
- Вы что-то сказали? – спросил режиссер.
- Я вздохнул.
- Я очень ценю ваши вздохи.
- Все было не в такт, – завопил режиссер. – Гамлет сбивался на шепот там, где надо было кричать, и подражал шелесту листьев там, где надо было рвать связки. Офелия весь спектакль словно тянула бесконечную ноту, сыгранную на контрабасе. Зачем? Вас в театральной академии не научили следовать химической волне? Все химические линейки разработаны давно и людьми поумнее нас. Не пытайтесь импровизировать. Вы ломаете все. Сегодня «Гардиан» напишет о нас такое, что лучше бы нам всем застрелиться.
- Это химик... – послышался шепот.
- Химик...
- Хи...
- Актеры начали оживать.
- Мы умеем идти по волне...
- Нас учили...
- Профессионалы... По линейке...
- Режиссер вскинул руку.
- О'кей. Химик, я хочу услышать вас.
- Там...
- Пауза.
- Там было...
- Очень большая пауза.
- Режиссер не выдержал и завопил:
- Химик, когда я просил принять тонизирующее, это относилось и к вам тоже.
- Ша...
- Актеры молчали, ожидая оживления театрального химика.
- Так вот. Химическая линия каждого персонажа была подобрана верно...
- Да как же «верно»?! Как же «верно»?! – закричал окончательно пришедший в себя Гамлет. – У меня все эмоции плыли, и тоска, и уныние, и ненависть. А я точно следовал графику, я вообще не выпускал часы из виду.
- Да! – поддержал его режиссер. – Он выдерживал хронометраж, я следил.
- Не давите, я еще не совсем активен, – попросил химик. – Но я клянусь, все линии, для каждого персонажа, выстроены верно. У каждого в нужное время должна была наступить нужная эмоция.
- Эмоции приходят, а не наступают... – попытался вставить слово Гамлет.
- Чуть! – закричали Гильденстерн и Полоний, уже пришедшие в чувство.
- Повторяю, каждая химическая линейка была выверена абсолютно точно. И каждая эмоция, и грусть, и ярость, и покой, и радость пришли бы в нужный момент. С точностью до секунды, уверяю вас.
- Тогда в чем дело? Кто вмешался? Что за чертовщина? – раздался голоса актеров, подпитанных химическими эмоциями.
- Я выстроил линейки с учетом прогноза погоды и обещаний Министерства Национального Спокойствия. Но эти умники в последний момент увидели, что просчитались с прогнозом погоды и перед самым началом спектакля, когда актеры уже приняли свои линейки, вбросили в атмосферу дополнительные дозы активизаторов радости и романтики. Ну, дождь все-таки... У нас, соответственно, поплыли все расчеты, линейки сместились в произвольном направлении. И я теперь получаюсь без вины виноватый.
- Труппа молчала. Нет, ну а что скажешь, когда работает Министерство Национального Спокойствия?

